

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

А. В. Поляков · Е. В. Тимошина

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА

Учебник

Елена Тимошина

Общая теория права. Учебник

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2017

УДК 340
ББК 67.0

Тимошина Е. В.

Общая теория права. Учебник / Е. В. Тимошина — «Санкт-Петербургский государственный университет», 2017

ISBN 978-5-288-05730-4

Учебник соответствует Государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования и учебной программе «Теория права и государства». В учебнике в адаптированном и систематизированном виде излагаются и развиваются основные положения, изложенные А. В. Поляковым в работах «Общая теория права. Курс лекций» (СПб., 2001), «Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: Курс лекций» (СПб., 2003), «Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций» (СПб., 2004). Предназначен для студентов вузов, аспирантов, преподавателей и всех интересующихся вопросами права и государства.

УДК 340

ББК 67.0

© Тимошина Е. В., 2017

ISBN 978-5-288-05730-4

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2017

Содержание

Предисловие авторов	6
Глава I	8
§ 1. Научное знание как социокультурный феномен	8
§ 2. Научное знание как коммуникативный феномен	16
§ 3. Особенности социально-гуманитарного знания	19
§ 4. Общая теория права в системе социально-гуманитарного знания	22
Дополнительная литература	26
Глава II	27
§ 1. Классические типы правопонимания	27
§ 2. Неклассические типы правопонимания	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Андрей Васильевич Поляков,
Елена Владимировна Тимошина
Общая теория права. Учебник**

© А. В. Поляков, Е. В. Тимошина, 2017

© С.-Петербургский государственный университет, 2017

Предисловие авторов

Книга, которую читатель держит в руках, предназначена для студентов первого курса юридических вузов, только приступающих к изучению общей теории права и государства. Овладение общетеоретическими основами правоведения необходимо для успешного освоения в дальнейшем отраслевых юридических наук и в конечном итоге – для успешного овладения избранной профессией. При этом важно, чтобы профессиональное становление будущего юриста начиналось с овладения практическими навыками оперирования теоретическими (а затем и законодательными) конструкциями на основе их *понимания*, а не простого механического запоминания набора «непоколебимых» истин. Помочь первокурснику увидеть *многогранность, многоаспектность* феномена права – цель настоящего учебника.

Данное издание существенно отличается от ранее изданного курса лекций А. В. Полякова «Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте феноменолого-коммуникативного подхода» (СПб., 2004), ориентированного главным образом на старшекурсников. Авторы по возможности упростили форму изложения учебного материала, а также включили в учебник новые разделы в соответствии с требованиями министерской программы по данной дисциплине. Кроме того, издание дополнено кратким словарем научных терминов с отсылкой к соответствующим главам, в которых их содержание объясняется подробно.

Поскольку общая теория права и государства является одной из социально-гуманитарных наук, авторы сочли необходимым познакомить студентов со спецификой гуманитарного научного знания, а также с особенностями современного этапа его развития. Исходным моментом при этом является признание эволюционной природы научного знания, в соответствии с которой каждая эпоха обуславливает свои особенности правовосприятия и правопонимания, позволяющие увидеть в праве такие грани, которые не были заметны на предыдущих этапах научного развития. Именно поэтому авторы стремились показать не только «слабые», но и «сильные» стороны каждого из исторических типов правопонимания. Например, восприятие права невозможно без представления о его фиксированности, закреплённости, формализованности, общеобязательности – в этом сила и значимость *нормативистско-этактистских* и иных инструментальных трактовок права. Также неизбежна связь права с некими идеальными, ценностными началами – добром, справедливостью, моральностью и т. д., и обоснование этой связи – несомненная заслуга *юснатурализма*. Вместе с тем право всегда предполагает свое реальное функционирование в поведении взаимодействующих субъектов, и в теоретическом исследовании социальной природы права состоит главное значение *социологического* подхода к праву. Наконец, обоснование того факта, что правовая действительность всегда опосредуется правовым сознанием субъектов, является одним из теоретически значимых положений *психологической* школы права.

В рамках обосновываемой в настоящем учебнике коммуникативной теории права признаются все эти необходимые аспекты права (нормативный, ценностный, социальный, психологический), разработанные в соответствующих типах правопонимания. Вместе с тем авторы ставили перед собой цель показать, что за всеми указанными выше аспектами права стоит, объединяя их, главное действующее лицо – *человек* как субъект социальных, правовых *коммуникаций*. Имеет ли такой подход не просто теоретическое, но и какое-либо практическое значение? Представляется, что по крайней мере два вывода, вытекающие отсюда, чрезвычайно важны практически. *Во-первых*, право не есть нечто существующее вне человека как некая абсолютно независимая от него «официальная» инстанция. Каждый из нас участвует в том деятельном процессе, который получает смысл и значение права. В таком контексте каждый человек (в единстве со своим социальным окружением) участвует в созидании права. С этим связаны представления и о социальной свободе человека, и о его социальной ответственности.

сти, ответственности за сделанный правовой выбор. *Во-вторых*, социальная свобода человека всегда заключена в границы его жизненного мира и в этом смысле не является безграничной. Жизненный мир человека формируется поколениями его предков, определяется теми традиционными ценностями, без которых невозможна самоидентификация человека как члена определенного общества. С этой точки зрения незаменим опыт русской политикоправовой и философско-правовой мысли, которая за долгие века своего существования сконцентрировала в себе такой идейный потенциал (до сих пор в полной мере не востребованный), который нуждается в адекватном осмыслении и творческом использовании.

Глава I

Общая теория права в системе социально-гуманитарного знания

§ 1. Научное знание как социокультурный феномен

Общая теория права входит в систему современного социально-гуманитарного знания. Для того чтобы понять, что составляет предмет изучения данной научной дисциплины, и определить ее место в структуре современной науки, необходимо уяснить специфику научного познания как такового, а также особенности современного этапа его развития.

Научное знание является одной из **высших ценностей** современного человечества, без которой невозможно представить его дальнейшее развитие.

Однако столь высокое место в иерархии культурных ценностей наука занимала далеко не всегда и не во всех культурах. Наука представляет собой высокоспециализированную деятельность, ориентированную на постоянный **рост информации** об окружающем нас мире и ее практическое использование с целью его преобразования. В таком понимании наука есть специфический социокультурный феномен, возникновение и стремительное развитие которого оказалось возможным только в **западной цивилизации**.¹ Избранный западной культурой в XVI–XVII вв. путь цивилизационного развития получил название **техногенного**. Для данного типа развития характерна интеграция науки и техники, обусловившая формирование современного технологически зависимого общества. Техногенный тип цивилизационного развития основан на постоянно ускоряющемся **преобразовании природной среды**, что обуславливает также и стремительные темпы социальных изменений.

Формирование в западноевропейском культурном регионе в XVI–XVII вв. техногенной цивилизации оказалось возможным благодаря уникальному сочетанию определенных социокультурных факторов. Они обусловили **процесс модернизации** традиционного аграрного общества эпохи Средневековья и становление нового **индустриального**, или капиталистического, общества, а также его последующую эволюцию в **постиндустриальное** и современное **информационное** общество.

Главной ценностью формирующегося индустриального общества стал идеал активной суверенной личности, вследствие чего данный тип общества называется также **индивидуалистическим**. Деятельность, направленная на преобразование окружающего мира, как природного, так и социального, и обеспечивающая над ним власть, рассматривается в таком типе общества как главное предназначение человека. При этом окружающая действительность понимается исключительно как арена деятельности человека, как сфера приложения его преобразовательных сил. Инновация, под которой понимается результат творчески преобразующей активности человека, считается в данном типе общества самодостаточной ценностью. Индивидуалистические идеалы индустриального общества нашли выражение во всех сферах его жизни и обусловили формирование саморегулирующейся **рыночной экономики**, основанной на свободе частного предпринимательства, **идеологии неотчуждаемых прав и свобод человека**, а также **демократической политической культуры**. Произшедшее в эпоху европейского Ренессанса возрождение ценностей полисной культуры античного общества спо-

¹ Понятие «западная цивилизация» имеет не географический, а культурологический смысл. К такой цивилизации относятся все общества, сформировавшиеся на общей рационалистической духовной культуре и ориентированные на индивидуалистические ценности.

собствовало развитию представлений о длительности западноевропейской демократической традиции.

От западной цивилизации, пошедшей по пути модернизации, радикально отличаются **традиционные цивилизации Востока**. Свойственный традиционным обществам **консерватизм** (постоянство) видов деятельности, исторически обусловленный аграрным характером экономики, медленные темпы их эволюции, господство регламентирующих традиций ограничивали проявление преобразующей активности человека. Принципу целенаправленно преобразующего деяния, характерному для западной цивилизации, здесь противостоит принцип невмешательства человека в протекание природных процессов и адаптации к сложившейся социальной среде. Данный принцип задает совершенно иной вектор человеческой активности в традиционных обществах: она направлена не на изменение внешнего мира, а на изменение самого человека. Формами человеческой активности здесь являются прежде всего самосозерцание и самодисциплина, которые обеспечивают следование традиции. Инновационная деятельность не воспринимается здесь как ценность, напротив, она имеет ограничения и допустима лишь в рамках веками проверенных традиций. В традиционных обществах личность осознает себя таковой только через принадлежность к какой-либо определенной корпорации, будучи необходимым элементом в исторически сложившейся и строго определенной системе корпоративных связей. Вследствие этого традиционные общества Востока получили также название **коллективистских**. Необходимо отметить, что современные процессы распространения техногенной цивилизации обусловили и определенные изменения в культуре традиционных обществ.

Таким образом, только в культуре техногенной (западной) цивилизации, главной ценностью которой является идеал автономной личности, целенаправленно преобразующей окружающий мир с целью достижения господства над ним, научное знание приобретает особое ценностное значение. Научное знание рассматривается как необходимое условие преобразования мира во все более расширяющихся масштабах. Оно создает уверенность в том, что человек способен, раскрыв законы природы и социальной жизни, регулировать природные и социальные процессы в соответствии со своими целями. Доминирование ценности научного знания и активное влияние последнего на другие сферы культуры становятся характерным признаком техногенной цивилизации.²

Научное знание есть прежде всего знание **рациональное** (лат. ratio – разум), **достоверно объясняющее** окружающую действительность и стремящееся к ее **пониманию**. Рациональность научного знания выражается в теоретическом моделировании реальности с помощью понятий, отличающихся определенностью и однозначностью смыслового содержания. Научная теория, представляющая собой рациональную модель действительности, должна удовлетворять требованиям логической **непротиворечивости, обоснованности** (доказательности) и **систематизированности**. Именно рациональностью научное знание отличается от других видов знания – **мифологического, религиозного, обыденного, художественного**, в которых доминирует эмоционально-ценностное и образное восприятие реальности, часто не имеющее вербального (словесного) выражения. Глубоко личностный, индивидуальный характер эмоционально-ценностного и образного постижения действительности является фактором, затрудняющим процесс передачи информации другим субъектам и требующим от них определенных эмоциональных усилий для ее адекватного восприятия. Рациональное знание, напротив, в силу своего понятийного и вербального характера обладает свойством **общезначимости** и может быть без ущерба для полноты информации передано другим субъектам и адекватно ими воспринято.

² Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2003. С. 18–29.

Научная рациональность представляет собой исторически развивающееся явление, обусловленное мировоззренческими доминантами культуры, а потому можно выделить **исторические типы**, или модели, **научной рациональности**. Специфические особенности типа научной рациональности находятся в зависимости от господствующей в научном сообществе **научной парадигмы** и формируются в рамках **научной картины мира**.

По определению американского ученого Т. Куна, **научная парадигма** (греч. *paradeigma* – пример, образец) – это культурно обусловленная система теоретических, методологических и ценностных (аксиологических) установок, принятых в качестве образца решения научных задач и разделяемых всеми членами научного сообщества. Та или иная научная парадигма лежит в основании «здания» любой науки, является ее «фундаментом». Научная парадигма выполняет функцию исследовательской программы: она определяет направления научного поиска, т. е. стратегию эмпирических и теоретических исследований, и тем самым организует научный процесс.

Научная парадигма выступает организующим принципом, в соответствии с которым выстраивается научная картина мира.

Научная картина мира – это обусловленная научной парадигмой система обобщенных и систематизированных научных представлений об исследуемой реальности. Первым уровнем обобщения научных знаний являются **дисциплинарные** научные картины мира (физическая, химическая, биологическая и т. д.). Следующим уровнем являются соответственно **естественнонаучная** и **социально-гуманитарная картины мира**. В **общей** научной картине мира обобщаются наиболее важные характеристики предмета научного познания как целого, взятого на определенной стадии его исторического развития.

В развитии научного знания можно выделить, во-первых, **эволюционные** периоды, т. е. периоды поступательного развития науки, когда научная картина мира пополняется новыми научными знаниями, не противоречащими принятой научным сообществом парадигме; во-вторых, – **революционные** периоды, когда в результате научной революции происходит замена прежней научной парадигмы и соответствующих ей научной картины и типа научной рациональности новой.

Научные революции происходят как результат осознания научным сообществом или какой-то его частью того, что:

- 1) существующая научная картина мира перестала быть адекватной теоретической моделью исследуемой реальности и не справляется с функцией интеграции научных знаний;
- 2) научная парадигма утратила эвристическую ценность, т. е. не способна более определять направления научного поиска и организовывать научный процесс;
- 3) все элементы структуры научного знания (научная парадигма, научная картина мира, тип научной рациональности) не согласуются с новыми мировоззренческими доминантами культуры.

Соответственно среди причин научных революций, приводящих к смене научной парадигмы, научной картины мира и типа научной рациональности, можно выделить как **внутринаучные**, т. е. обусловленные развитием самого научного знания, так и **социокультурные**, когда изменения, происходящие в других сферах духовного опыта, прежде всего философии и религии, приводят к изменению также и научного объяснения мира. К числу **внутринаучных** причин научных революций следует отнести:

- 1) совершенствование методов исследования, что приводит к открытию новых объектов, а также к изменению способов научной интерпретации ранее исследованных объектов;
- 2) невозможность концептуального объяснения в рамках существующей научной картины мира новых фактов;

3) стремительное умножение теорий, конкурирующих между собой по способности увеличивать эмпирическое содержание науки, т. е. область объясняемых и предсказываемых ею фактов.

К числу **социокультурных** причин, приводящих к революционной смене научных парадигм, относятся прежде всего изменения в системе ценностей, составляющих фундамент культуры соответствующей исторической эпохи, что сопровождается сдвигами в религиозном, философском, эстетическом и обыденном сознании, обуславливая и необходимость изменения научного видения реальности.

Новые представления о научном знании первоначально выдвигаются как гипотезы, разделяемые незначительной частью научного сообщества (так называемая **наука переднего края**). Гипотетическое научное знание проходит этап обоснования и может весьма длительное время конкурировать с прежними научными представлениями. Утверждение новой научной парадигмы и соответствующей ей научной картины мира происходит не только благодаря тому, что она эффективно функционирует в качестве исследовательской программы, продуцируя новые научные теории, но также и потому, что она получает философско-мировоззренческое обоснование в системе культуры. Развиваемое в рамках научной парадигмы новое видение реальности **легитимируется** (т. е. получает признание), лишь будучи согласованным с фундаментальными ценностями культуры соответствующей исторической эпохи.

Научные революции не отменяют окончательно старую картину мира, так как наряду с гипотетическим знанием она содержала в себе и достоверное знание об исследуемой реальности, которое и включается в новую научную картину мира как ее часть (так называемое **твердое ядро науки**). Знание, не отвечающее новым парадигмальным критериям, оказывается вытесненным за пределы науки и становится **историей науки**. История науки представляет собой вытесненное за пределы актуальной науки устаревшее знание, которое, правда, при определенных обстоятельствах, может быть снова актуализировано на новом уровне и в новом контексте. Таким образом, **корпус науки** состоит из **трех частей**: 1) «наука переднего края», 2) «твердое ядро науки» и 3) история науки.³

Научное знание, сформировавшееся в контексте европейской культуры Нового времени, представляет собой **историческое** явление, в развитии которого можно выделить **три периода**: 1) классический период (XVII – конец XIX в.), соответствующий индустриальному обществу; 2) неклассический период (конец XIX – середина XX в.), характерный для постиндустриального общества; 3) современный постнеклассический период, соответствующий ситуации перехода к информационному обществу.

Классический тип научной рациональности сформировался в европейской культуре как результат первой научной революции XVII в., которая отменила картину мира, господствовавшую еще со времен античности. В конце ХУНТ – первой половине XIX в. происходит вторая научная революция, определившая переход к новому состоянию научного знания – дисциплинарно организованной науке. Таким образом, первая и вторая научные революции знаменовали собой возникновение и дисциплинарную организацию классической науки и ее стиля мышления.

Окружающий мир как объект научного познания трактовался в классической науке как разумно устроенный, механически упорядоченный и линейно развивающийся согласно действующим в нем причинно-следственным закономерностям. Доминирующий в классической науке образ часов – простой механической системы – точно передает специфику классического представления об объекте познания; окружающий человека мир устроен, как часы: однажды заведенные искусным механиком – Богом, – они идут по законам механики. Как простую меха-

³ Ильин В. В. Философия науки. М., 2003. С. 94–95.

ническую систему рассматривали не только физические, но и биологические, а также социальные объекты.

Этот простой гармоничный, механически устроенный мир мыслился как абсолютно доступный для рационального познания; в нем не допускалось существование какого-либо непознаваемого человеческим разумом иррационального остатка. Рациональность мира рассматривалась как его субстанциальная (сущностная) основа.

Особое значение для формирования классической рациональности имела так называемая революция Коперника— Галилея – Ньютона. После спекулятивной схемы Птолемея, согласно которой планеты движутся по сложным циклам, Вселенная вдруг предстала в своей удивительной простоте. «Мало того, что планеты, как оказалось, движутся по эллипсам, в одном из фокусов которого находится Солнце, новые воззрения объяснили, почему все это происходит так, а не иначе! И законы, которые повелевают этим движением, – великие законы Ньютона оказались необычайно простыми и понятными... Уже в XIX веке мир предстал перед людьми как некоторый необычайной сложности, но все-таки механизм, который был однажды кем-то и когда-то “запущен” и который вечно действует по вполне определенным раз и навсегда начертанным и вполне познаваемым законам. Последнее утверждение— особенно важно: если мы чего-нибудь сегодня и не понимаем, то завтра наверняка поймем! Такова была вера в неограниченность знания, основанная на фантастических успехах науки... Ну а человек? Человека в этой схеме просто нет! Он только наблюдатель, не способный влиять на извечный, раз навсегда определенный ход событий... Он способен регистрировать происходящие события, устанавливать связи между явлениями, то есть познавать законы, управляющие механизмом, и, благодаря этой способности, предугадывать появление тех или иных событий. Но не больше! Человек... лишь посторонний наблюдатель того, что происходит во Вселенной. Он... отодвинут на периферию Универсума».⁴

Уверенности в относительной простоте мира и его безграничной познаваемости соответствовало представление о том, что субъект в акте научного познания находится вне познаваемого им объекта и не оказывает на него никакого влияния. Данное противопоставление объекта познания (окружающей человека действительности) и субъекта познания (человека), который должен действовать как «чистый разум», исключив из акта познания какую-либо субъективность, рассматривалось в классической науке как гарантия объективности научного знания. В рамках классического типа научной рациональности предполагалась возможность получить абсолютно точную картину исследуемой реальности – при использовании правильных методов и упразднении из процесса познания всех индивидуальных особенностей личности, т. е. субъективности. При этом считалось, что объективная, абсолютная истина существует «сама по себе», как объективная реальность, и никак не связана с человеком, формулирующим ее в определенной языковой форме. Язык в классической науке рассматривался в качестве инструмента логического мышления, с помощью которого можно отобразить весь мир в мыслительном образе, адекватном своему объекту.

Указанные фундаментальные свойства объекта и субъекта познания, характерные для классической науки, были присущи не только естественнонаучному, но и социальному познанию. Социально-историческое знание выступало как знание, отражающее логику в развитии самой истории, открывающее в ней закономерности, указывающие на истинную природу чело-

⁴ Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М., 1998. С. 26–27.

века и позволяющие тем самым выявлять политико-правовые институты, соответствующие этой природе. Развитие государства и права представало в таком контексте как разумный, закономерный, линейный и обязательно прогрессивный ход истории, способный подвергаться разумному человеческому преобразованию.

В конце XIX – начале XX в. происходит третья научная революция, результатом которой стало возникновение **неклассического типа научной рациональности**. На его формирование в значительной степени повлияли революционные естественнонаучные открытия. К наиболее значимым открытиям можно отнести такие, как делимость атома, обоснование квантовой теории и теории относительности – в физике; нестационарность Вселенной – в астрономии; выявление генетического кода – в биологии. Огромное значение для формирования новой научной картины мира имело также бурное развитие психологии, психоанализа и лингвистики.

Неклассический тип научной рациональности формировался в условиях перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, в котором на первое место по значимости выходит не материальное производство, а потребление разнообразных услуг.

В неклассическом типе научной рациональности видение объекта науки усложняется. Объектом научного познания в неклассической науке являются большие самоорганизующиеся системы, в развитии которых присутствуют уже не жесткие причинно-следственные, а вероятностные закономерности, что обусловлено неупорядоченным (стохастическим) характером взаимодействия элементов системы. Сложность «устройства» объекта научного познания, открытая неклассической наукой, ограничивает возможности его исчерпывающего рационального описания и объяснения, а классические представления о рациональности мира как его сущностной основе подвергаются критике. В неклассическом типе научной рациональности пересматривается характерное для классической науки познавательное отношение, основанное на противопоставлении субъекта и объекта познания: теперь субъект познания рассматривается уже не как дистанцированный от изучаемого объекта, а как находящийся внутри объекта как сложной системы.

В неклассической науке признается, что используемые в процессе научного познания методы оказывают влияние на познаваемый объект. Если в классической науке идеал научного описания предполагал характеристику объекта «самого по себе», без указания на средства его исследования, то в неклассической науке в качестве необходимого условия объективного описания выдвигается требование четкой фиксации особенностей средств познания, которые используются субъектом. Таким образом, для неклассического типа научной рациональности характерны такие типы научного описания и объяснения, которые в явном виде содержат ссылки на средства и операции познавательной деятельности.

Одним из таких средств познания выступает человеческий язык, который в неклассическом типе рациональности становится самостоятельным объектом научного познания. В неклассической науке происходит осознание зависимости человеческого познания от специфики языка, которым владеет познающий субъект. Соответственно все научные и философские проблемы переводятся в сферу языка и решаются на основе анализа его средств и выражений (так называемый **лингвистический поворот**, или языковая революция).

В социально-гуманитарном познании утверждается идея о принципиальной невозможности обнаружения логики в истории и как следствие этого происходит отказ от линейного осознания времени, предполагавшего понятия минувшего и грядущего, и от основанного на нем линейного прочтения истории как необратимо развернутой из прошлого через настоящее в будущее.

В последней трети XX в. под влиянием новых естественнонаучных открытий начинает формироваться современный **постнеклассический тип научной рациональности**, соот-

ветствующий ситуации перехода постиндустриального общества в общество информационное, в котором основным стратегическим ресурсом становится информация.

В современной постнеклассической науке все большее место занимает исследование объектов, представляющих собой сложные, самоорганизующиеся и **саморазвивающиеся системы**, включающие человека. Такие системы характеризуются как **человекоразмерные**, в которых само человеческое действие является компонентом системы. К типу саморазвивающихся человекоразмерных систем относятся не только биологические системы, но и все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития.

В процессе саморазвития такой самоорганизующейся системы происходит переход от одного уровня самоорганизации к другому. Саморазвивающимся системам присуща иерархия уровней организации элементов, способность порождать в процессе развития новые уровни. Причем каждый такой новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность, новые параметры порядка. Формирование каждого нового уровня системы сопровождается ее прохождением через состояния неустойчивости – так называемые точки бифуркации, и в эти моменты случайные воздействия на систему могут привести к появлению в ней новых структур. Установка классической науки на активное целенаправленное преобразование системы уже не считается эффективной, так как при простом увеличении внешнего силового давления система может не порождать нового, а воспроизводить один и тот же набор структур. Соответственно с системами такого типа нельзя свободно экспериментировать. В процессе их исследования и практического освоения особую роль начинает играть знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия. В ходе исследовательской деятельности с человекоразмерными объектами исследователю приходится решать ряд проблем этического характера, определяя границы возможного вмешательства в объект. Нарушение этих границ приводит к изменению системы, ее переходу в качественно иное состояние, способное вызвать необратимое нарушение целостности системы.

В постнеклассическом типе научной рациональности научное познание начинает пониматься в контексте социальных условий его бытия и его социальных последствий как особая часть жизни общества, определяемая на каждом этапе своего развития общим состоянием культуры данной исторической эпохи, ее ценностными ориентациями и мировоззренческими установками. При этом познающий субъект рассматривается как детерминированный внутринаучными и социокультурными ценностными установками соответствующей исторической эпохи, т. е. в акте научного познания учитывается субъективность, оказывающая влияние на результаты исследования.

В сложных саморазвивающихся системах формируются особые информационные структуры, которые фиксируют важную для целостности системы информацию, выступают компонентом системы и определяют способы ее взаимодействия со средой, а также способы ее воспроизводства как целого. Эти информационные структуры выступают в функции программ поведения системы: генетический аппарат биологических организмов, базовые ценности культуры в организмах социальных.⁵ Сложные саморазвивающиеся системы характеризуются также открытостью, обменом веществом, энергией и информацией с внешней средой.

Таким образом, современная наука, и прежде всего такое ее направление, как **синергетика**, на переднем крае своего поиска поставила в центр исследований уникальные исторически развивающиеся системы, в которые в качестве особого компонента включен сам субъект. Современная постнеклассическая рациональность характеризуется как «открытая», в противоположность «закрытой» рациональности классической науки. **Открытая рациональность**

⁵ Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 12.

предполагает «внимательное и уважительное отношение к альтернативным картинам мира, возникающим в иных культурных и мировоззренческих традициях... она предполагает диалог и взаимообогащение различных, но равноправных познавательных позиций». ⁶

Открытая рациональность постнеклассической науки, важнейшей идеей которой является **идея диалога** культур и отказ от безусловного доминирования ценностей техногенной цивилизации, есть вместе с тем **рациональность коммуникативная**.

⁶ Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 98.

§ 2. Научное знание как коммуникативный феномен

Постнеклассическая рациональность складывается под доминирующим влиянием **коммуникативных стратегий** в системе социально-гуманитарного знания. Самоорганизующаяся и саморазвивающаяся человекоразмерная система не может быть не чем иным, как системой самоорганизующихся и саморазвивающихся **человеческих** (межсубъектных) **коммуникаций**. Но и сама постнеклассическая рациональность, постнеклассическое научное знание выступает как знание коммуникативное, в связи с чем необходимо раскрыть понятие «коммуникация».

Процесс познания не является пассивным отражением, копированием окружающего мира познающим его субъектом. Познание возможно только как проявление активности человеческого сознания и выступает как деятельность, форма поведения человека. Важнейшим свойством сознания является направленность на объект познания (интенциональность). В процессе познания субъект получает определенную **информацию** – новые сведения об интересующем его объекте, которые выражаются в знаковой (языковой и образной) форме.

Знак – это материальный объект, используемый для получения, хранения и передачи информации в процессе социального взаимодействия. Только в такой знаковой форме полученная информация может восприниматься, храниться и передаваться от одного субъекта к другому.

Знак представляет собой единство означающего (материальная форма знака) и означаемого (осмысленная информация, к которой отсылает знак). Смысл знака уясняется в процессе его интерпретации воспринимающими субъектами. Знак всегда представляет, обозначает другой предмет, событие, явление, процесс и др. Например, изображение двуглавого орла с соответствующими атрибутами (означающее) является знаком государственного герба (означаемое). Но для человека, не знакомого с государственной символикой, смысл этого знака останется недоступным. Наиболее важные знаки, используемые в процессе познания, – буквы алфавита, позволяющие письменно фиксировать результаты познания, и речевые звуки, используемые для передачи устной информации.

Связная и полная последовательность знаков, несущая в себе определенный смысл, называется **текстом** в широком значении слова. В качестве таких текстов могут выступать и явления природы. Например, затмение Солнца рассматривалось в культуре Древнего мира как знаковое сообщение, текст, предрекающий беду. В узком значении текст – это знаковое сообщение, специально предназначенное для передачи каким-либо адресатам, например, указательная надпись на дороге, призыв к гражданам активно участвовать в выборах, постановление правительства. Таким образом, в качестве знаковых объектов выступают различные устные и письменные **тексты** (в том числе тексты законов), устная речь, мимика и жесты, живописные полотна, скульптуры, фотографии, отпечатки пальцев и др.

Социальное взаимодействие, основанное на интерпретации социально значимой информации, имеющей знаковую (текстуальную) форму, называется **социальной коммуникацией**. Понятие информации является одним из ключевых понятий постнеклассической науки. Применительно к социогуманитарной сфере можно утверждать, что все, что здесь существует, существует через информацию и осмысленное взаимодействие между субъектами. Эти феномены предполагают друг друга и не существуют изолированно.

Понятие коммуникации исследуется и разрабатывается в рамках **теории коммуникации**. Это сравнительно молодая область научного знания, которая стала обретать статус самостоятельной академической дисциплины в нашей стране лишь в последнее десятилетие.⁷ Все

⁷ С 2000 г. действует Всероссийская Коммуникативная Ассоциация.

большая востребованность коммуникативных знаний и навыков, которую ощутила отечественная наука, как и общество в целом, обусловила «коммуникативный бум», привела к тому, что о проблемах коммуникации сегодня говорят и пишут представители разных дисциплин, а сам термин «коммуникация» уже прочно вошел в понятийный аппарат социально-гуманитарного знания.⁸

Коммуникацию можно рассматривать как механизм настройки, создающий общность, согласованность между теми, кто общается. В этом смысле **коммуникация – синергическое понятие**, подлежащее изучению в синергическом аспекте. Человек не может быть самим собой, не вступая в коммуникацию. В современной социальной философии утверждается мнение о том, что именно социальные коммуникации и образуют социальную реальность, по своему смыслу исключающую крайности индивидуализма или коллективизма. Коммуникация создает целостность через свободные и согласованные действия субъектов. Общество – это результат общения совместно действующих индивидов, «понятых» и «услышанных» Другими. Тем самым в общении, в коммуникации современная социальная наука усматривает теоретическое и практическое решение проблематики человека и человеческих отношений как альтернативы революционным преобразованиям.⁹

Социальная коммуникация включает:

- 1) не менее двух участников-коммуникантов, наделенных сознанием и владеющих нормами некоторой семиотической системы, например, языка; отправитель сообщения (создатель текста) называется коммуникатором (адресантом), а получатель сообщения – реципиентом (адресатом);
- 2) ситуацию (или ситуации), которую они стремятся осмыслить и понять;
- 3) сообщения (тексты), выражающие смысл ситуации в языке или элементах данной семиотической системы;
- 4) мотивы и цели, делающие тексты направленными, т. е. то, что побуждает субъектов обращаться друг к другу и взаимодействовать;
- 5) процесс материальной передачи текстов;
- 6) восприятие (интерпретация) сообщения (текста), отражаемое в поведении реципиента.

Таким образом, тексты, действия по их построению и интерпретации, а также связанные с этим мышление, понимание и взаимодействие составляют **содержание коммуникации**.

Коммуникация связана как с познанием, так и с отношением к познанному, а также и с действием в соответствии с познанным. Поэтому социальная коммуникация включает в себя **информационный** (рациональный), **эмоционально-ценностный** (иррациональный) и **праксеологический** (деятельный) аспекты.

Мыслекоммуникация протекает в рамках социального **хронотопа** (греч. *chronos* – время; *topos* – место),¹⁰ где происходит движение смыслов в социальном времени и пространстве, т. е. в определенном человеческом обществе. **Социальное пространство** – это интуитивно ощущаемая людьми система социальных отношений между ними. Разнообразие этих отношений определяет многомерность социального пространства. Распространение смыслов в социальном пространстве означает восприятие их людьми, которые находятся в определенных социальных отношениях с коммуникантом (коммуникатором). **Социальное время** – это интуитивное ощущение течения социальной жизни, переживаемое современниками. Это ощущение

⁸ Основы теории коммуникации / Под ред. проф. М. А. Василика. М., 2003.

⁹ Капионов Э. А. Социология XX века: История и технологии. Ростов н/Д., 1996. С. 41.

¹⁰ Данное понятие сформулировано русским философом М. М. Бахтиным (1895–1975). По М. М. Бахтину, хронотоп есть некое единство времени (хронос) и места (топос).

зависит от интенсивности социальных изменений. Если в обществе изменений мало, социальное время течет медленно; если изменений много, время ускоряет свой ход.¹¹

Коммуникация может возникать на индивидуальном, групповом и массовом (общественном) уровнях. Такие коммуникации называются соответственно **микрокоммуникацией, мидикоммуникацией и макрокоммуникацией**.

Для теоретического правоведения также важно то, что коммуникация может быть императивной (с приоритетностью прямой связи), т. е. **монологической**, и диспозитивной (с приоритетом обратной связи), т. е. **диалогической**.

В понятии коммуникации раскрывается сущность социального как такового. Что отличает мир социального от мира физического, природного? Только наличие некой нефизической, неприродной связи между людьми. Человеческий характер такой связи выражается в том, что она осуществляется как **осмысленная** связь, позволяющая вступать во **взаимодействия** с другими людьми на основе **сознательного выбора** требуемого варианта поведения. Для осуществления данной связи люди должны обладать способностью создавать тексты (информационные сообщения), обмениваться текстами и корректировать свое поведение на основе текстов. Такое связанное (когерентное) поведение и создает эффект **социального** как явления **коммуникативного**.

Коммуникация всегда протекает в рамках конкретного социокультурного, в том числе языкового, контекста, что обуславливает общность понимания субъектами социального взаимодействия смысла получаемой информации.

Следовательно, **познание** – есть деятельность субъекта, направленная на получение новых сведений (информации) о познаваемом объекте, которые выражаются в знаковой форме, используемой для осуществления социальной коммуникации.

В контексте постнеклассической рациональности **научное познание** предстает как **особый тип коммуникативной деятельности**, в процессе которой продуцируются новые знания, фиксируемые в знаках определенного научного языка, и легитимируются (признаются) как всеобщие и достоверные научным сообществом в соответствии с принятыми в нем критериями научности. **Общность** научного знания означает, что оно объясняет не какие-либо выборочные факты или проблемы, интересующие конкретного исследователя, а все возможные формы и виды исследуемого явления. Теория, которая отгораживается от фактов и проблем за исключением лишь тех, ради которых она и сконструирована, не может обладать большим научным потенциалом. Другими словами, ученый при построении теории должен исходить из самого предмета, а не из своего отношения к предмету. Он должен отделять поиск научной истины от утверждения в теории своих ценностных, идеологических предпочтений.

¹¹ Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002. С. 25,

§ 3. Особенности социально-гуманитарного знания

Структуру современного научного знания образуют два типа наук: 1) естественные, или науки о природе; 2) социально-гуманитарные, или науки о духе, объектом исследования которых являются человек и общество.

В основе такого деления наук, предложенного немецким философом **В. Дильтеем** (1833–1911), лежит различие объектов естественнонаучного и социально-гуманитарного типов познания. Впоследствии немецкие философы **В. Виндельбанд** (1848–1915) и **Г. Риккерт** (1863–1936) провели различие между естественнонаучным и социально-гуманитарным типами знания на основании используемых ими методов. Согласно В. Виндельбанду, естествознание использует номотетический метод (греч. *nomos* – закон; *tetio* – устанавливаю), т. е. законоустанавливающий; для социально-гуманитарного познания характерен идиографический метод (греч. *idios* – особенный, необычный; *grapho* – пишу), т. е. описывающий единичное, индивидуальное. Естествознание, полагал В. Виндельбанд, имеет своей целью выявление и формулировку общих законов, выражающих устойчивые и повторяющиеся связи между явлениями; гуманитарное познание (в первую очередь история) видит свою цель в фиксации и объяснении конкретных, единичных фактов. Согласно Г. Риккерт, **наукам о природе** присущ генерализующий (обобщающий) метод, с помощью которого исследователь отбирает из многообразия природы лишь повторяющиеся факты, свидетельствующие о наличии постоянных, устойчивых связей между явлениями. Соответственно в **науках о духе** используется индивидуализирующий метод, заключающийся в фиксации и объяснении единичных явлений. Рассматривая данные методы как взаимодополняющие, немецкие философы, однако, полагали, что номотетический, или генерализующий, метод в европейской культурной традиции воспринимается в качестве универсального метода научного познания, а его использование выступает критерием научности познавательной деятельности вообще.

Авторитетность наук о природе и наук о духе, а также трактовка их специфических особенностей варьируется в классическом, неклассическом и постнеклассическом типе научной рациональности. **Классическая европейская наука** исторически сформировалась как экспериментально-математическое естествознание; она **абсолютизировала обобщающий метод**, рассматривая его в качестве единственного метода научного познания. Для классического естествознания была характерна установка на поиск единого, универсального закона бытия, обнимающего частные закономерности и выражающего презумпцию (предположение) всеобщей гармонии природы. В качестве такого универсального закона мироздания выступил открытый И. Ньютоном закон всемирного тяготения, составивший основу классической механистической картины природы. Сама идея единичного, индивидуального, неповторимого, не укладывающегося в рамки жестких закономерностей, отвергалась классическим естествознанием, объявляясь прерогативой гуманитарных дисциплин, которым – именно в силу этого обстоятельства – было практически отказано в научном статусе. Таким образом, различия между естественнонаучным и социально-гуманитарным типами знания рассматриваются в классическом типе научной рациональности как различия соответственно между научным и ненаучным знанием.

Характерная для классической науки абсолютизация естественнонаучного идеала рациональности с его стремлением свести (редуцировать) многообразие реального бытия к конечному числу наиболее общих законов, фиксирующих повторяющиеся связи между явлениями, нашла свое выражение в экспансии естественнонаучных методов в общественные науки и формировании в них номотетической традиции. Механистическая методология классического естествознания рассматривалась как универсальная научная методология, пригодная для объяснения не только природы, но и человека и общества. Возникновение и дисциплинарная орга-

низация в XIX в. таких социально-гуманитарных наук, как социология и психология, были связаны с ориентацией на естественнонаучный идеал рациональности, т. е. со стремлением к объяснению социально-гуманитарной реальности по аналогии с природной, путем усмотрения в ней причинно-следственных связей, фиксируемых в законах. Примером тому, в частности, может служить марксистская интерпретация истории, которая пыталась увидеть в историческом процессе действие универсальных законов и рассмотреть историю в виде жестко детерминированной, инвариантной причинно-следственной связи событий.

Особенности гуманитарного знания нагляднее всего могут быть продемонстрированы при его сопоставлении с классическим типом естественнонаучного знания. Различия между естественнонаучным и социально-гуманитарным типами знания обусловлены, во-первых, спецификой объекта научного исследования; во-вторых, отношением познающего субъекта к познаваемому объекту; в-третьих, методологией исследования.

1. Природа как объект естественнонаучного познания не создается человеком, не нуждается в нем для своего бытия и существует независимо от его воли и сознания. В этом смысле можно говорить о том, что природа как объект исследования представляет собой объективную, т. е. существующую без человека, реальность. В мире природы действуют законы бытия, законы сущего, которые человек не властен изменить, но может лишь познать.

Общество, социальный мир, являющееся объектом социально-гуманитарного познания, создается самим человеком в процессе межсубъектного взаимодействия, т. е. **коммуникации**, и существует благодаря постоянному воспроизводству актов коммуникации. Вместе с тем в процессе межсубъектного взаимодействия социально значимые акты коммуникации порождают социальные институты (примером такого института являются нормы права), которые, будучи результатом человеческой деятельности, начинают восприниматься человеком как обладающие свойством объективности, т. е. независимости от него. Социальное как бы «обволакивает» человека, включая его в сферу своего энергетического воздействия.

Таким образом, объектом классического естественнонаучного познания выступает природа как **объективная**, без-человечная реальность; объектом познания социально-гуманитарных наук является общество как **субъективно-объективная** реальность, т. е., с одной стороны, как реальность, создаваемая и поддерживаемая человеком в процессе межсубъектного взаимодействия, с другой – как объективная реальность, осознаваемая человеком в качестве противостоящей ему.

2. Особенности объектов естественнонаучного и гуманитарного познания обуславливают второе различие между ними: отношение познающего субъекта к познаваемому объекту. В классическом естествознании отношения ученого и объекта исследования характеризуются определенной дистанцией между ними. Здесь ученый противостоит миру наблюдаемых объектов как внешней для него действительности, на которую он воздействует, используя различный инструментарий и определяя условия эксперимента. Ученый-естествоиспытатель никогда не бывает имманентной (неотъемлемой) частью изучаемого объекта, а наблюдает за ним со стороны.

В социально-гуманитарных науках ученый (наблюдатель) не дистанцирован от объекта своего исследования. Это связано с тем, что исследователь социальных отношений сам является их участником, т. е. включен прямо или опосредованно в те объекты и процессы, которые он изучает. Следовательно, научное наблюдение в социально-гуманитарных науках осуществляется изнутри познаваемого объекта, в роли которого выступают общество, государство, нация и т. д. Соответственно социально-политическая, национальная, конфессиональная и иные привязанности исследователя во многом определяют выбор научных проблем, стратегию и даже результаты их исследования. Поэтому социально-гуманитарное познание, в отличие от естественнонаучного, весьма часто оказывается подверженным влиянию той или иной разделяемой исследователем идеологии.

Итак, естественнонаучное познание характеризуется **дистанцированностью** познающего субъекта от познаваемого объекта, а социально-гуманитарное познание, напротив, – **включенностью** познающего субъекта в познаваемый объект.

Кроме того, в классическом естествознании природа рассматривается как объект, пассивно поддающийся безграничной познавательной активности субъекта. В социально-гуманитарном познании объект познания прямо или опосредованно обнаруживает себя как деятельный субъект. Следовательно, познавательная активность субъекта в общественных науках принципиально ограничена и связана с самораскрывающейся активностью «объекта».

Таким образом, познавательное отношение в естествознании, являясь субъект-объектным, имеет **монологический** характер; познавательное отношение в социально-гуманитарных науках, являясь субъект-субъектным, имеет **диалогический** характер.

3. Для классического естественнонаучного способа познания в качестве метода исследования характерен **редукционизм**, т. е. сведение многообразия наблюдаемых явлений к конечной совокупности наиболее общих законов, которые позволили бы прогнозировать закономерное протекание каких-либо процессов в будущем. Классическое естествознание стремилось каталогизировать мир, при этом все индивидуальное, ситуационное, не вписывающееся в принятые исследователем принципы каталогизации, рассматривалось как несуществующее, как погрешность, которой можно пренебречь. В естественнонаучном познании главную роль играет монологичное объяснение действительности в ее причинно-следственной обусловленности. Гуманитарные науки, напротив, как уже отмечалось, характеризуются обращением к действительности во всей ее полноте и неисчерпаемости индивидуальных проявлений. Здесь главное значение принадлежит уже не монологичному объяснению, а пониманию, «схватывающему» в процессе исследования индивидуальные особенности изучаемого явления.

Таким образом, если для естествознания важнейшим является обобщающее **объяснение** повторяющихся фактов, то для общество-знания – различающее **понимание** социальных явлений.

Важная особенность понимания, отличающая его от объяснения, заключается в присущей человеку способности к перевоплощению, воображению и интуиции, с помощью которых интерпретатор (субъект понимания) достигает понимания духовного мира Другого. Чтобы интерпретировать цели, намерения, мотивации авторов текстов, как и любые действия людей как сознательных существ, необходимо понять их (встать на место Другого). Совершенно иначе обстоит дело в природе, где действуют слепые, бессознательные силы и где поэтому отсутствует преднамеренная деятельность как таковая. Именно по этой причине в естественнонаучном знании главное внимание уделялось вопросам объяснения, ибо они не связаны с анализом целеполагания и мотивации. Объясняющее знание не следует противопоставлять пониманию. Они взаимодополняют друг друга. Знание всегда текстуально и носит общий характер, понимание – контекстуально и носит в силу этого индивидуальный характер. Но научная коммуникация включает в себя и общее, и индивидуальное.

В неклассической и особенно в современной постнеклассической науке был осуществлен критический пересмотр особенностей классического естественнонаучного знания, что привело к возникновению тенденции к снятию жесткого разделения между естественнонаучным и гуманитарным типами знания. В рамках синергетики как ведущего направления постнеклассической науки обосновывается программа сближения естественнонаучного и гуманитарного типов знания, что создает широкие возможности для междисциплинарного диалога.

§ 4. Общая теория права в системе социально-гуманитарного знания

Для того чтобы определить место общей теории права в системе современного социально-гуманитарного знания, необходимо определить ее объект и предмет.

Научное познание всегда имеет направленный, интенциональный (лат. *intentio* – стремление, внимание), характер. То, на что направлено научное познание, называется **объектом науки**. Теоретическое правоведение имеет своим объектом **право**. От объекта науки следует отличать ее предмет. **Предмет науки** – это теоретические знания, полученные в результате научного исследования объекта. У разных наук может быть один объект, но разные предметы. Так, право является объектом не только общей теории права, но и объектом отраслевых юридических наук (например, уголовного или гражданского права), однако предметы у них разные. Предмет науки определяется ракурсом, углом рассмотрения объекта. При этом предмет науки неотделим от знания об объекте, что позволяет трактовать предмет науки и как совокупность знаний об объекте, рассмотренного в определенном ракурсе. Это означает, что общую теорию права интересует не любое знание о праве, а лишь то, которое описывает отличительные признаки, отделяющие право от других явлений, и в то же время интерпретирует взаимосвязь с другими явлениями, в первую очередь с **человеком, обществом и государством**, т. е. раскрывает способ бытия права и его практическую значимость. Таким образом, **предметом общей теории права** являются общие знания о бытийных (онтологических) свойствах права, описывающие, объясняющие и интерпретирующие правовую действительность. Эти знания всегда предстают как научные тексты, меняющиеся по своему содержанию и способам интерпретации.

Дело в том, что трактовка предмета научного познания, в том числе и права, определяется как типом научной рациональности, так и типом правопонимания. В **классическом типе научной рациональности** познаваемый предмет интерпретировался как простая статичная механическая система, в которой действуют жесткие причинно-следственные закономерности. В качестве такой системы рассматривалось классической наукой и право: система законодательных норм – в правовом этатизме, система естественных прав – в юснатурализме, система правовых отношений – в социологическом варианте правопонимания (подробнее об этом см. главу II «Исторические и современные типы правопонимания»). В **неклассической науке** предмет научного познания рассматривается как сложная, самоорганизующаяся система, в развитии которой присутствуют уже лишь вероятностные закономерности, обусловленные неупорядоченным характером взаимодействия элементов такой системы. Соответственно и право начинает трактоваться как система правовых норм и правовых отношений. Наконец, в **постнеклассическом типе научной рациональности** предмет науки понимается как исторически развивающаяся, самоорганизующаяся и саморазвивающаяся человеко-размерная система, что обуславливает трактовку права в качестве системы правовых коммуникаций. Таким образом, тип научной рациональности и тип правопонимания определяют предметную сферу теоретико-правового исследования.

Современное теоретико-правовое знание теснейшим образом связано со всем комплексом наук, как социально-гуманитарных, так и естественных. Важнейшее значение для общей теории права имеют социальные и гуманитарные науки. Никакое дисциплинарное научное знание, и в том числе общая теория права, не может развиваться исключительно из самого себя. Как уже было показано выше, научное знание определяется господствующей в научном сообществе научной парадигмой и формируется в контексте парадигмально обусловленной общей научной картины мира. Следовательно, любая дисциплинарная научная теория может быть обоснована только через **метатеорию** (греч. *meta* – после, за; греч. *theoria* – рассмотрение,

исследование), т. е. через междисциплинарную теорию, определяющую принципы построения дисциплинарной теории.

Особенную актуальность проблема метатеоретического обоснования дисциплинарной научной теории получает в постнеклассическом типе научной рациональности. Актуальность междисциплинарного диалога объясняется тем, что в рамках синергетической парадигмы постнеклассической науки объекты социально-гуманитарного познания рассматриваются как сложные, динамичные, самоорганизующиеся и саморазвивающиеся системы. Сложность изучаемых постнеклассической наукой объектов, их многогранность обуславливают необходимость их изучения с привлечением знаний и методов различных научных дисциплин. Именно поэтому **современная постнеклассическая теория права развивается как междисциплинарное знание**, т. е. знание, формирующееся «на стыке» разных наук.

Междисциплинарный характер современной теории права отличает ее от теорий, сформировавшихся в рамках классического типа научной рациональности. Например, такой классический тип правопонимания, как правовой этатизм, исходил из представления о самодостаточности формально-юридического знания. Если право понимается как закон, установленный государством, то познание права ограничивается изучением того, как эти законы создаются и каким образом должны быть сформулированы законодательные нормы, чтобы императивно выражать государственную волю. В правовом этатизме познание права сводится к уяснению логического содержания

текста правовой нормы. Таким образом, в данном типе правопонимания познание права некорректно сводится к знанию, ограниченному рамками формальной логики.

В неклассических и постнеклассических вариантах правопонимания познание права уже не ограничивается познанием законодательных текстов. В целом ряде сформировавшихся в неклассической и постнеклассической науке научных дисциплин (лингвистика, семиотика, структурализм, кибернетика, информатика, семиосоцио-психология) признается, что текст любого закона состоит из **знаков**. Но знак – такой феномен, который существует не как объективное явление, а как явление **интерсубъективное**. Это означает, что текст обретает смысловое значение только при наличии интерпретирующих его субъектов. Следовательно, текст закона становится законом, лишь будучи интерпретированным в качестве такового сознанием людей, которым он адресуется. В данном ракурсе достаточно ясно определяется необходимость выхода правовой теории на данные целого ряда наук, не имеющих, казалось бы, прямого отношения к юриспруденции. Проблема теоретико-правового знания предстает в этом случае не как проблема только логики, но как проблема смысла, как проблема человеческого сознания, как проблема человеческой психологии, наконец, просто как проблема человека. Для того чтобы понять, что есть право, необходимо понять, что есть человек.

Проблема человека выдвигает для теоретического правоведения на первый план блок **гуманитарных наук**. Проблема определения гуманитарной науки, гуманитарного знания не проста. Можно сказать, что сфера **гуманитарного** – сфера человеческой деятельности. В то же время существуют «широкое» и «узкое» определения понятия гуманитарного. В широком смысле под «гуманитарным» понимают все, что связано с человеком. В этом случае к гуманитарным наукам будут отнесены и те науки, которые, например, изучают его физиологию или анатомию. «Узкое» понимание связывает гуманитарное не с природной, а исключительно с духовной стороной человека.

От гуманитарных наук следует отличать науки обществovedческие, социальные, которые изучают социально-исторические закономерности, действующие в обществе и определяющие поведение людей (социология, статистика). **Теоретико-правовое знание** – это знание **социально-гуманитарное**, охватывающее как общее, закономерное, так и единичное, субъективное, связанное с индивидуальными интересами, намерениями, целями человека.

Наиболее значимыми для правоведения являются такие социальные и гуманитарные области знания, как философия, социология, психология, история, семиотика, лингвистика, кибернетика, синергетика, культурология, политология, коммуникология. Остановимся на краткой характеристике наук, имеющих наибольшее значение для теоретического правоведения.

Философия стремится к целостному обобщенному знанию, включающему рациональные, ценностные и практические аспекты. Она отвечает на следующие вопросы: 1) что есть бытие; 2) как следует относиться к бытию; 3) что необходимо делать для того, чтобы достичь должных целей. Только первый вопрос подпадает под общепринятые критерии научного знания и при определенных обстоятельствах может рассматриваться как выражение научной философии. Решение других вопросов основано на определенных мировоззренческих предпосылках, поэтому не может претендовать на общезначимость, так как является обобщенным выражением индивидуального внутреннего опыта создателя философской системы.

Значение **постнеклассической философии** состоит в том, что она ориентирует всю область социально-гуманитарного знания на иные по сравнению с классической философией представления о рациональности. По мнению современного немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса, в новом типе рациональности разумным считается уже не объективный порядок вещей, как это предполагалось классической наукой, а разрешение проблем, которое основывается на опыте обращения с реальностью. Соответственно классическая рациональность рассматривается им как «материальная», постнеклассическая – как своего рода «процедурная», открытая. Новым предметом философского познания становится жизненный мир человека как сфера повседневной самопонятности (о понятии жизненного мира см. § 2 главы II «Исторические и современные типы правопонимания»), как дотеоретическая целостность, познаваемая через рациональную реконструкцию интуитивного знания компетентных субъектов речи и действия. Философия, в том числе современная постнеклассическая философия, предоставляет основные метатеоретические идеи для правовой науки, являясь ее методологическим, гносеологическим и онтологическим основанием.

Как уже отмечалось выше, лингвистический поворот, осуществленный философией в XX в., означал смену парадигмы – переход от философии сознания к философии языка. Для первой было характерно отношение к человеческому сознанию как к чему-то такому во внешнем мире, что можно отобразить в представлении и чем можно манипулировать; язык при этом считался моментом представления. Благодаря преодолению классической модели долингвистического сознания область знакового приобретает самостоятельное значение. На смену анализу субъект-объектных отношений приходит исследование отношений между языком и миром.

Язык представляет собой знаковую систему. Наукой о знаковых системах является **семиотика**, или семиология (греч. semeion – знак), которая рассматривает все явления культуры как знаковые системы, опосредующие коммуникацию. Тем самым семиотика отвечает потребностям самых разнообразных современных научных дисциплин, как естественных, так и социально-гуманитарных, представляя изучаемые ими объекты как имеющие коммуникативную природу. Семиотика теснейшим образом связана с лингвистикой, информатикой, кибернетикой. Эта наука является базовой для текстологии – формирующейся науки о текстах. Она помогает понять знаковую, текстуальную составляющую права, увидеть связь правового текста с человеком.

Важной представляется также связь теории права с социологией. **Социология** как наука об обществе может пониматься по-разному. Ввиду ее интеграционного характера можно сказать, что она изучает различные формы и способы взаимодействия людей. Именно социология обращает внимание на различные социальные системы (группы, организации, партии, общество в целом) как особые конструкции взаимодействия. Нигде более само это взаимодействие,

его механизмы, варианты, системы не становятся объектом специального анализа, безотносительно к их конкретному содержанию. С этой характеристикой связан и еще один аспект социологического анализа: все, что подвергается исследованию, изучается с точки зрения интегрированности, включенности в общество как целое. Можно сказать, что социология изучает общие принципы воспроизводства и изменений основных форм социальных взаимодействий, в том числе общество как целостную систему социальных взаимодействий на основе широкого привлечения эмпирических данных, фактов реальной жизни, выделяя повторяющееся, устойчивое в этих взаимодействиях в различных сферах общественной жизни. Как и другие науки, социология в настоящее время переживает парадигмальный поворот от психологического к коммуникативному видению социальной реальности.¹² Социология вносит свой вклад в развитие правовой теории, позволяя глубже понять природу права и его (права) социальное действие. Поскольку право немыслимо вне социума и вне социального взаимодействия, то именно социология позволяет понять характер такой связи и такого взаимодействия, вскрыть его коммуникативные механизмы.

Психология как наука о происхождении, развитии, функционировании и закономерностях психической жизни также имеет первостепенное значение для правовой теории. Современная психология насчитывает до 40 отраслей (в том числе юридическую и социальную психологии). Психология помогает установить зависимость между мышлением человека, сферой его эмоциональной жизни и его коммуникативным поведением. Данная наука раскрывает также связь сознания человека с бессознательным, своеобразным «скрытым текстом» сознания. Особенно важное значение имеет обосновываемое в рамках психологии положение об образности человеческого мышления, его метафоричности. Именно способность воображения выводит мышление на абстрактный уровень, т. е. за пределы того, что мы можем увидеть и почувствовать. Без современных психологических знаний невозможно понять интерсубъективную природу права.

¹² Капионов Э. А. Социология XX века...

Дополнительная литература

- Гриффин Эм.* Коммуникация: теория и практика. Харьков, 2015.
- Интерсубъективность в науке и философии / отв. ред. Н. М. Смирнова. М., 2014.
- Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб., 2002.
- Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998.
- Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
- Лецев С. В.* Коммуникативное, следовательно, коммуникационное. М., 2002.
- Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф. М., 1982.
- Махлин В. Л.* Я и Другой: Истоки философии диалога XX века. СПб., 1995.
- Нишанов В. К.* Коммуникативная и когнитивная природа понимания. М., 1989.
- Проблемы методологии постнеклассической науки.* М., 1992.
- Рациональность и семиотика дискурса.* М., 1994.
- Степин В. С.* От классической к постнеклассической науке // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990.
- Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8.
- Степин В. С.* Теоретическое знание. М., 2003.
- Тимошина Е. В.* Познание // Обществознание: Учебный курс для поступающих в вузы. СПб., 2004.
- Честнов И. Л.* Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб., 2002. 37–38.

Глава II

Исторические и современные типы правопонимания

§ 1. Классические типы правопонимания

Историческим типам научной рациональности соответствуют **исторические типы правопонимания**. Тип правопонимания отражает парадигмальные черты современной ему научной картины мира и, несмотря на реальное многообразие вариантов правопонимания, принадлежащих к одному историческому типу научной рациональности, их объединяют общие онтологические, гносеологические и аксиологические установки, формирующие типичные теоретические представления о правовой реальности.

Правопонимание – результат как **рационального**, теоретического осмысления права в его онтологической (бытийной) сущности, так и следствие его **иррационального** (эмоционального, ценностного, социокультурного) восприятия, так как понимание права всегда происходит в социокультурном контексте жизненного мира субъектов (о понятии жизненного мира см. § 2).

Тип правопонимания – это формирующийся в рамках определенной культуры образ права, который характеризуется как парадигмально обусловленными теоретическими признаками права, так и культурно обусловленным практическим (ценностным) отношением к праву. Исходя из этого можно выделить два основания для классификации типов правопонимания: **практическое и теоретическое**.

Практическое правопонимание существует в общественном правовом сознании и правовой культуре в виде особого **ценностного** отношения к праву, характеризуемого специфическим социокультурным правовидением и правочувствованием. Каждая цивилизация имеет собственное ценностное (практическое) правопонимание. Так, в **синхронном аспекте** можно выделить, например, **практическое правопонимание Востока и Запада**, а в **диахронном – идеациональный** (религиозный), **чувственный** (светский) и **идеалистический** (включающий в себя черты как первого, так и второго) типы практического правопонимания (терминология П. А. Сорокина). **Систематизированное** практическое правопонимание выступает в форме **правовой идеологии**, **несистематизированное** – имеет форму **правовой психологии**.

Теоретическое правопонимание характеризуется стремлением представить понимание права в виде научной теории. Постнеклассическое теоретическое правопонимание стремится получить наиболее общие и достоверные правовые знания путем исключения исторически сложившихся ценностных правовых представлений, поскольку они отражают не общее в праве, а лишь его конкретные социокультурные особенности.

Историческое развитие типов правопонимания показывает, как изменения типов научной рациональности влекли за собой изменения в правопонимании.

В рамках **классического типа научной рациональности**, предпосылки которого относят еще к эпохе античности, сформировалось три основных теоретических варианта правопонимания: **естественноправовой, этатистский и социологический**.

I. Естественно-правовой вариант, или юснатурализм (лат. *jus* – право; *natura* – природа), – один из древнейших вариантов правопонимания. Он отражает характерные для мифологической и религиозной культуры представления о рациональном и соразмерном (законсообразном) устройстве мира, природы, космоса. Согласно такому представлению миром правит закон, постигаемый человеческим разумом через усмотрение закономерного устройства уни-

версума. Все, что существует в мире, существует закономерно, и это относится как к устройению всей Вселенной, включая мир животных, так и к устройению человеческого мира, в том числе права. В отличие от искусственного и изменчивого человеческого закона (позитивного права, создаваемого государством), постулировалось существование постоянного и неизменного, совершенного естественного (природного) закона, именовавшегося также естественным правом. В силу приписываемого ему совершенства естественное право воспринималось как абсолютная ценность: воплощение справедливости, добра, нравственности и гуманизма.

Однако представления о сути естественного права менялись вместе с развитием общества и развитием научного знания. Для античной правовой мысли было характерно восприятие мира как упорядоченного целого, космоса, которому противостоит хаос. Соответственно естественное право отождествлялось с **разумными законами природы**, которым подчиняется все живое – и люди, и звери. Таковы естественные законы, заставляющие людей защищать собственную безопасность и свое имущество, вступать в брачные союзы, иметь детей и заботиться о них и т. д. Фактически естественное право отождествлялось с естественной закономерностью, такой же, как, например, рождение и последующая смерть (так называемая **первая редакция естественного права**).

Подобное правопонимание было характерно, например, для древнеримских мыслителей и юристов. Философы того времени стремились отождествить «право народов» с «правом природы». Стоики определяли естественное право как нравственный кодекс, заложенный в человека «природным разумом». Природа, считали они, представляет собой соразмерную разуму систему, в котором все вещи проникнуты логикой и порядком; этот порядок, спонтанно развивающийся в человеческом обществе и достигающий самосознания в человеке, и есть природное, или естественное, право. Цицерон выразил эти представления в следующем пассаже: истинный закон – это правильный разум, согласный с природой, обнимающий всю Вселенную, неизменный, вечный. Мы не можем ни противостоять этому закону, ни изменить его. Этот закон один – для Рима и Афин, для настоящего и будущего. Он есть и будет непреложен для всех времен и народов. Тот, кто не подчиняется ему, отрицает самого себя и свою природу.

В европейской культуре Средневековья естественное право получило **теологическое (божественное) обоснование (вторая редакция естественного права)**. Естественное право трактовалось как воля Бога, которая находит отражение в **человеческом разуме** и в Священном Писании (ярким примером такого правопонимания являются творения знаменитого средневекового мыслителя Фомы Аквинского (~1225-1274)). Согласно данному подходу, право есть неотъемлемый элемент миропорядка; оно столь же вечно и неуничтожимо, как и само мироздание. «Мир немислим без закона, будь то мир природы или мир людей. Право – основа всего человеческого общества, на нем строятся отношения между людьми... Всякий род живых существ и даже вещей имеет свое собственное право – это обязательное качество любого божьего творения (поэтому ответственность за проступок могла быть возложена не только на человека, но и на животное и даже на неодушевленный предмет). Способ бытия и поведения всех существ определяется их статусом. Таково средневековое понимание естественного права, получающего религиозную интерпретацию **универсального закона вселенной** (выделено нами. – Авт.)».¹³

В результате десакрализации средневековой европейской культуры уже в Новое время (в XVII–XVIII вв.) возникает **индивидуалистическая** интерпретация естественного права (**третья редакция естественного права**). Естественное право было отождествлено с правами и свободами человека, которые непосредственно вытекали из его природы. Весь перечень этих прав, по мысли представителей юснатурализма, можно было прямо вывести из человеческого разума, и он имел исчерпывающий, постоянный и неизменный характер, как постоянны

¹³ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 179.

и неизменны законы разума. Подобная рационалистически-гуманистическая интерпретация естественного права, соответствующая классическому типу научной рациональности, доминирует в общественном правосознании Запада и сегодня.

Наконец, уже в конце XIX в. под влиянием идей формирующегося неклассического типа рациональности значительное распространение получает интерпретация естественного права как некоего **правового идеала**, на который необходимо равняться позитивному (государственно установленному) праву. Этот идеал понимался как совокупность нравственных требований к действующему в государстве праву (**четвертая редакция юснатурализма**).

Несмотря на свое многообразие, классические концепции естественного права имеют сходство в основных моментах, отражающих характерные особенности классического типа рациональности.

1. Естественное право как право **совершенное** противопоставляется несовершенному праву, искусственно создаваемому государством. Соответственно для всех версий юснатурализма характерен дуализм естественного и позитивного права, соответствующий дуалистической (лат. *dualis* – двойственный) установке классической науки, исходившей из противопоставления субъекта познания и природы как существующей без человека реальности.

2. Закономерным следствием характерного для классической науки противопоставления субъекта и объекта познания является трактовка естественного права как существующего независимо от государства, общества и сознания человека, как своего рода **объективной реальности**, в создании которой субъект не принимает никакого участия. Предполагалось, что разум человека, формулируя универсальные нормы естественного права, не создает ничего субстанциально нового, он лишь открывает содержание, которое либо уже заложено в природе человека, либо существует в объективном порядке бытия.

3. Характерное для юснатурализма предположение о том, что человеческий разум безошибочно открывает не что-нибудь, а именно «подлинное», «естественное» право, также являлось выражением классических представлений о рациональности, в соответствии с которыми познающий субъект может действовать как «чистый разум», исключив из акта познания какую-либо субъективность.

4. Естественное право интерпретируется как **постоянное и неизменное**, не подверженное «порче», что соответствовало представлениям классической науки о статичности, вневременном характере исследуемых ею объектов, состояния которых в прошлом, настоящем и будущем были практически неразличимы.

5. Подобно претензиям классической науки получить единственно истинную и абсолютно точную картину реальности, естественное право как истинное право обладало свойством **универсальности**, социокультурной общезначимости.

6. Естественное право, являясь выражением разумности мироздания, предполагаемой классической наукой, предстает как право **разумное** и открывается человеку через его разум.

Естественно-правовому подходу, как и любому одностороннему (классическому) теоретико-правовому подходу, присущи существенные недостатки. Все они проистекают из взгляда на право как на объект, противостоящий субъекту и существующий независимо от него: человек в таком случае не может каким-либо образом влиять на естественное право; существование естественного права не зависит даже от того, знает ли вообще кто-либо о том, что такое право существует. При этом внимание исследователя акцентируется лишь на идеальной и ценностной составляющей права как абстрактного должного, оторванного от реальности, от сущего, от жизненного мира человека. Следствием такой односторонней установки явились, с одной стороны, невозможность отделить естественное право от правосознания и от морали, что было особенно характерно для четвертой редакции юснатурализма; с другой – невозможность объединить естественное и позитивное право для устранения неприемлемого правового дуализма, выражающегося в удвоении понятия права из-за наличия различных его признаков. Ведь если

право как специфическое явление обладает собственным набором отличительных признаков, то они должны быть присущи как естественному, так и позитивному праву. Однако в юснатурализме естественное право предстает как явление, в своих сущностных чертах отличное от права позитивного.

Вместе с тем длительность и непрерывность естественно-правовой традиции, ее периодическая актуализация – факт, нуждающийся в объяснении. Очевидно, что данное правопонимание отражало определенные аспекты бытия права, выходящие за рамки его конкретного исторического типа.

1. В юснатурализме впервые была представлена, хотя и не получила удовлетворительного разрешения, идея самостоятельного бытия права, не сводимого к воле государства.

2. В юснатурализме была также предпринята попытка объяснить тот исторический факт, что наряду с изменчивостью отдельных правовых норм в праве существует нечто постоянное и неизменное, переходящее из одной системы в другую, – некие основополагающие правовые принципы, идеи и отношения, которым придавалось значение естественно-правовых.

3. В рамках юснатурализма впервые была поставлена проблема ценностного обоснования права как необходимого условия его (права) бытия и эффективного социального действия. Однако, установив неразрывную связь права с основополагающими ценностями культуры, юснатурализм, особенно в третьей его редакции, ошибочно свел право к набору ценностей, характерных исключительно для западноевропейской правовой культуры.

II. Этатистский (фр. *État* – государство) **подход**, как и юснатурализм, относится к классическим типам правопонимания, сформировавшимся в рамках классической научной рациональности.

Историческими предпосылками возникновения этатизма явились взаимосвязанные процессы формирования западноевропейских абсолютистских государств и кодификации национальных законодательств (XVI–XVII вв.). Данный тип правопонимания возникает как результат утраты правовой культурой своего религиозного значения, в результате чего государство стало пониматься исключительно как рациональное творение человеческих рук, а право – как выражение воли государства.¹⁴ Этатизм, таким образом, представляет собой идейную противоположность юснатурализму – типу правопонимания, характерному для мифологической или религиозной культуры.

Развитие правового этатизма продолжилось на основе методологии **научного позитивизма** – философского направления, возникшего в 30-е годы XIX в. Его основатель – французский мыслитель **О. Конт** (1798–1857), вслед за немецким философом И. Кантом, полагал, что человеческий разум не способен проникать в сущность вещей, поэтому и наука не должна претендовать на раскрытие причин явлений, а должна заниматься лишь описанием и систематизацией этих явлений. Образцом научного знания о мире позитивизм считал эмпирически проверяемое естественнонаучное знание, его антиподом – знание неземпирическое, философское, так называемое метафизическое. Позитивизм отказывается оперировать знаниями, которые не могут быть проверены на истинность опытным путем. Научное знание может быть только позитивным, т. е. основанным на фактах, положительно известных нам из опыта. Применительно к теории права, полагали сторонники правового этатизма, это требовало суже-

¹⁴ Истоки такого правопонимания, отождествляющего право и закон, и идейную борьбу вокруг него можно найти уже в античной правовой культуре. У Ксенофонта, например, приводится следующий характерный диалог между Алкивиадом и Периклом: «Скажи мне, пожалуйста, Перикл, – спрашивает Алкивиад, – можешь ли ты меня научить, что такое закон? – Конечно, – отвечает Перикл. – Закон есть все то, что народ, собравшись и одоблив, начертал, дабы определить, что следует делать и чего не следует. – А если не народ, а, как это бывает в олигархиях, только немногие собираются и устанавливают, что это такое? – Все, что господствующая в государстве власть установит, то и называется законом. – Значит, если что и тиран установит, и это будет закон? – Да, и это называется законом. – Но в таком случае, что же такое насилие и беззаконие? – спрашивает Алкивиад. – Не то ли, когда сильнейший не убеждением, а силой принуждает слабейшего делать то, что первому угодно..?».

ния предмета данной науки до совокупности знаний об установленных государством правовых нормах и их взаимосвязях между собой, так как все иное, не проверяемое эмпирически, падало под разряд «метафизики».¹⁵

Согласно этатистскому подходу право всегда является созданием государства или по крайней мере всегда опосредуется государством для того, чтобы получить все свои правовые свойства и стать именно правом. Право в этом случае понимается как **совокупность норм** (правил поведения), **установленных** или санкционированных **государством** в форме закона. Такое восприятие права возможно только в условиях секуляризованной (потерявшей свой религиозный смысл) правовой культуры, в рамках которой формируется принципиально иной архетип правовосприятия. Таинство «творения» права в этом случае переносится с Божества на само государство, получающего таким образом значение единственного правового демиурга (греч. *demíourgos* – творец). Логическим следствием этатизма является культ государства, а право оказывается своего рода евангелием от государства.¹⁶

Если естественно-правовой подход упрощал правовую действительность путем сведения ее к конкретному набору прав человека, то правовой этатизм сформулировал иную формулу редукции. Новая версия упрощения права заключалась в его сведении к знаковой системе, к тексту, и прежде всего к тексту закона; право фактически отождествляется с законом государства.¹⁷ Для человека, сформировавшегося в рамках подобной правовой культуры, классическое этатистское правовосприятие так же естественно, как естественна для человека, не знакомого с современной астрономией, но ежедневно наблюдающего восход и заход Солнца, убежденность в том, что именно Солнце вращается вокруг Земли.

Основными признаками права в этатизме признаются формальная определенность, понимаемая как фиксация правовых норм в писаном законе, и защищенность публичной властью государства. Иными словами, право – это внешний нормативный порядок, поддерживаемый при помощи физического принуждения со стороны государства. В свое время кредо этатистского подхода афористично сформулировал В. И. Ленин: «...право есть ничто без аппарата (государства. – *Авт.*), способного *принуждать* к соблюдению норм права». В своей волюнтаристской трактовке тот же вариант правопонимания определяет право как **волю государства** (народа, класса), **возведенную в закон**.

Этатистский подход совместим с представлениями о произвольности права, о возможности его формального существования, при отсутствии реального правомочного и правообязанного поведения субъектов. Главное – получение устанавливаемыми государством нормами объективированной внешней формы в виде закона. Указанный подход обходит стороной **ценностные** аспекты права и его **коммуникативную** сущность, полагая, что они не затрагивают природу права. Поэтому вопрос о справедливости права, его нравственной обоснованности, соответствии общественному правосознанию, как и вопрос о его реальном действии в обществе, – исключался сторонниками правового этатизма из предмета юридической науки или признавался несущественным.

Видными представителями правового этатизма на Западе в XIX – начале XX в. были **И. Бенгам, Д. Остин, П. Лабанд, К. Бергбом** и др.

¹⁵ Научный пафос позитивизма, его антиметафизическая направленность импонировали представителям всех вариантов правопонимания «реалистической» ориентации. Поэтому идеи позитивизма находили свое отражение и в социологическом правоведении, и в учениях психологической школы, но в правовом этатизме раньше всех нашли свое «естественное» обоснование.

¹⁶ Мальцев Г. В. Понимание права: Подходы и проблемы. М., 1999. С. 152.

¹⁷ Данный аспект правопонимания находит наиболее полное выражение в разновидности правового этатизма – теории **правового нормативизма**, видным представителем которого был австрийский правовед Г. Кельзен (1881–1973). Право трактовалось им как система иерархически построенных норм, устанавливающих акты принуждения (см., напр.: *Чистое учение о праве* Ганса Кельзена: Сб. переводов. Вып. 1. М., 1987. С. 53. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. СПб., 2015. С. 48–68).

Этатистский вариант правопонимания так же, как и его идейный противник – юснатурализм, отражает характерные особенности **классического типа научной рациональности**.

1. Этатизм трактует право как совокупность правовых норм, т. е. определяет целое (право) через сумму его частей (правовых норм), что соответствует представлениям классической науки об объекте познания как простой статичной **механической системе**.

2. Представления о системе права позитивисты выстраивают по принципу, лежащему в основе классической механической картины мира – принципу связи причины со следствием. Нормы права рассматриваются как детерминанты, или причины, вызывающие строго определенные последствия в сфере юридической практики. Последствия применения нормы права заранее логически заложены в самой норме, которая выступает в качестве причины, обусловившей появление данных последствий. Так формируется жесткая логическая связь между нормой – причиной и действием – следствием, связь необходимая, безальтернативная, осуществляющаяся почти механически. Не случайно этатизм часто называют **юридическим детерминизмом**.¹⁸

3. В соответствии с классической трактовкой объекта познания как **замкнутой системы** право рассматривается этатистами как логическивершенная и беспробельная система, содержащая весь необходимый материал для правильных логических конструкций и строго рациональных выводов.

4. В рамках этой замкнутой системы на каждый юридический вопрос может быть найден один, и только один, верный ответ, что соответствовало претензиям классической науки достичь такого знания об объекте, которое имело бы характер **абсолютной истины**.

5. В этатистском подходе право «оторвано», «отчуждено» от человека и интерпретируется как сила, действующая по аналогии с силой **природы**. Предполагаемая этатизмом возможность существования права без субъекта коррелирует с классическим пониманием окружающего мира как существующего самого по себе и лишь рационально постигаемого в качестве внешнего объекта.

Вместе с тем в рамках этатизма впервые получил обстоятельную разработку **нормативный аспект** бытия права, однако норма права была неправомерно отождествлена с законодательным текстом.

III. Социологический подход формируется уже на закате классического типа научной рациональности – во второй половине XIX в. Для социологического правопонимания характерно стремление понять право как **социальное** явление, отражающее закономерные условия социального бытия и **относительно независимое** от государства.

Право, с позиций социологического подхода, возникает непосредственно в обществе, через отдельные правовые отношения постепенно складываясь в нормы обычаев и традиций. Часть из них получает государственное признание и либо отражается в законах, либо санкционируется действующим законодательством, получая значение официальных источников права.

Для социологического подхода право есть не просто нормативное установление, приказ, «воля» и т. д., а то, что реально определяет поведение субъектов, их права и обязанности, **воплощаясь в правовых отношениях**. Правовые отношения предшествуют правовой норме, которая предстает как результат развития правовых отношений, являясь обобщенным выражением опыта правового взаимодействия субъектов.

Право – это то, что реально существует в жизни, а не то, что записано в книгах законов. Такое книжное право вполне может быть «мертвым», т. е. фактически не оказывать никакого воздействия на общественные отношения. Решающую роль в отличии «правового» от «неправового», по мнению многих сторонников социологической доктрины, должен играть суд. Суд

¹⁸ Мальцев Г. В. Понимание права... С. 146.

своими решениями даже может создавать право, основываясь на складывающихся в обществе представлениях о должном и справедливом.

Спецификой «классического» этапа формирования социологического типа правопонимания и его «родимым пятном» являлся **ПОЗИТИВИЗМ**, характерный и для классического правового этатизма. Из поля зрения социологов исключался сам субъект права – живая человеческая личность, которую подменяли социологические отношения и «закономерности».

Таким образом, ни одна из классических концепций правопонимания не являлась самодостаточной, т. е. способной, исходя из собственного теоретического потенциала, ответить на все вопросы стремительно развивающейся правовой науки. Классические теории строились на противопоставлении и взаимном отрицании: этатизм формируется как оппозиция юснатурализму, социологический подход – как оппозиция этатизму, наконец, и этатизм, и социологизм, в их классическом варианте основанные на философии позитивизма, осознают себя как противоположность юснатурализму. В то же время эти теории нуждались друг в друге, так как каждая из них «действовала» в своей ограниченной области и решала ограниченные теоретико-правовые задачи. Так, юснатурализм обосновывал абсолютную ценность естественного права, не принимая во внимание конкретный социокультурный контекст, в котором функционирует право позитивное. Этатизм, напротив, занимался разработкой позитивного права как иерархически организованной, логической системы законодательных норм, обходя стороной проблемы социального действия права и его социальной ценности. Социологический подход, в противоположность этатизму уделяя большое внимание проблеме действия права в обществе, свел право к системе правовых отношений, не увидев за ними их участников – обладающих сознанием правовых субъектов. Таким образом, развитие классических типов правопонимания подготовило почву для их синтеза в рамках новых, неклассических, научных представлений.

§ 2. Неклассические типы правопонимания

С начала XX в. в Европе начинает формироваться **неклассический тип правопонимания**, основывавшийся на парадигме неклассической научной рациональности. Необходимость его формирования была обусловлена развитием научных представлений о мире, человеке и обществе, в рамках которых правовые теории, опиравшиеся на классическую парадигму рациональности, уже не могли эффективно решать научные проблемы.

XX век заново открыл человека и пересмотрел его познавательные возможности. При этом серьезный удар был нанесен по классической установке, исходящей из взгляда на ученого как на стороннего наблюдателя, изучающего объективную реальность, рационально устроенную, а потому пронцаемую человеческим разумом. Недостатки такого подхода стали особенно очевидными в сфере социальных и гуманитарных наук. Психология, лингвистика и феноменология явились теми направлениями гуманитарной мысли, которые в первую очередь обусловили переход к неклассической научной рациональности в гуманитаристике.

Если в классическом типе научной рациональности предполагалось, что объективность и достоверность результатов научного познания могли быть достигнуты только упразднением (заключением в скобки) всех индивидуальных особенностей личности, то в неклассической науке была осознана принципиальная **неустранимость субъекта** из процесса познания. Кроме того, если классическая наука рассматривала используемые субъектом методы познания как универсальные, абсолютные и неизменные, то для неклассической науки характерно признание **многообразия** способов познания, вытекающего из сложности самих изучаемых объектов.

В рамках неклассической науки оказалось невозможным конструирование какой-либо правовой теории как **«одномерной»**, что являлось характерной чертой классической научной рациональности. Поэтому правовые теории XX в. были вынуждены считаться с нередуцируемой сложностью права и представляли собой **интегративные** конструкции, которые характеризовались стремлением объединить (интегрировать) в рамках единой правовой теории разработанные в классических типах правопонимания частные аспекты бытия права – ценностный (юснатурализм), нормативный (этатизм), социальный (социологический подход).

В середине XX в. в США теоретически оформляется идея **интегративной юриспруденции**. Ее представители — **Дж. Холл, Г. Дж. Берман** – полагали, что имеется достаточно оснований для объединения трех классических школ: правового этатизма, юснатурализма и социологической юриспруденции. Каждая из трех конкурирующих школ выделила в праве лишь одно из его важных измерений, проигнорировав остальные. «Этатисты» делали упор на нормах закона, «юснатуралисты» – на ценности права, а «социологи» – на «жизненности», «фактичности» правовых отношений. Дж. Холл предлагал такое определение права, которое объединяет в себе все эти моменты: право – это тип социального **действия**, процесс, в котором **нормы, ценности и факты** «срастаются и актуализируются».

Важную роль в процессе становления интегрированной теории права сыграли **аналитическая философия** в англоязычных странах и **феноменология** (греч. *phainomenon* – являющее себя; *logos* – учение), прежде всего в континентальной Европе. Феноменологический метод в его классическом варианте был обоснован немецким философом **Э. Гуссерлем** (1859–1938). Э. Гуссерль остро чувствовал как несовершенство современной ему науки, так и хаотическое состояние философии, которая, по его мнению, представляла собой собрание разнообразных и подчас не выдерживающих критики мнений. Его собственный замысел был связан с созданием философии, отвечающей строгим критериям научности. Но толчок к исследованию, полагал Э. Гуссерль, должен исходить не от философии, а от вещей и проблем. «Мы должны спрашивать у самих вещей. Назад к опыту, к созерцанию, которое одно только может

дать нашим словам смысл и разумное право»,⁷ — такова отправная точка немецкого мыслителя. Поэтому можно сказать, что феноменология представляет собой **опытное знание**, но такое опытное знание, которое имеет дело с самими вещами, а не с их видимостями.

Основные посылки феноменологического подхода заключаются в следующем. Термином «**феномен**» Э. Гуссерль обозначает все то, что является данным и очевидным в сознании индивида. Феноменология стремится описать феномены сознания и показать, как они конституируются.

Важной частью феноменологического подхода является учение об **интенциональности** (лат. *intentio* – стремление, внимание) **сознания**, которое преодолевает характерное для классической науки противопоставление объекта и субъекта познания. Сознание всегда характеризуется **предметностью, направленностью на предмет**, и это основополагающее свойство сознания Э. Гуссерль и называет **интенциональностью**. Сознание всегда есть «сознание о чем-то», а не замкнутая в себе субъективность. Поэтому и окружающий мир есть всегда «мой мир», каким я его воспринимаю в сознании, а не противостоящая мне «вещь в себе». Субъект и объект оказываются, таким образом, неразрывно связанными друг с другом, коррелятивными, они не существуют друг без друга. Непредметное сознание¹⁹ невозможно, но также не существует и не зависимых от сознания предметов. Мир сохраняет свою значимость только как феномен сознания. Следовательно, не может быть никакого противопоставления субъекта и объекта, так как мир существует для нас постольку, поскольку он является в сознании, а сознание существует постольку, поскольку оно есть сознание об этом мире. Итак, в рамках учения об интенциональности сознания Э. Гуссерль утверждает неразрывность мира и сознания и одновременно показывает несводимость друг к другу мира и сознания.

Субъекту познания свойственна **естественная установка**. Естественная установка – это «наивная» точка зрения находящегося в конкретной ситуации «я». Для естественной установки характерно обыденное практическое мышление, в рамках которого природный и социальный миры просто «есть», приняты на веру. Исследование феноменов сознания предполагает воздержание от естественной установки, «заклучение ее в скобки», так как она способна повлиять на достоверность результатов познания.

Метод, при помощи которого феноменология исследует опыт сознания, называется **феноменологической редукцией**. В процессе феноменологической редукции упраздняются принимаемые на веру, свойственные естественной установке представления об окружающем мире. Результатом феноменологической редукции будет обнаружение в сознании субъекта **чистой сущности**, или **эйдоса** (греч. *eidos* – вид, образ, образец), явления. Русский философ **А. Ф. Лосев** (1893–1988) так характеризовал феноменологический метод познания: отбросив частные проявления одного и того же, необходимо осознать то именно, что во всех своих проявлениях одно и то же. Таким образом, феноменологический метод состоит не в построении умозаключений и формулировании понятий, что было свойственно классическому рационализму, а в интуитивном, интеллектуально умозрительном **усмотрении**, созерцании **сущности** (эйдоса) явления и **описании** его **смыслообразующей структуры**.

Мир, на который направлено интенциональное сознание, Э. Гуссерль называет **жизненным миром**. Жизненный мир – это наша непосредственная «интуитивная среда», где мы как человеческие существа среди себе подобных переживаем культуру и общество, определенным образом относимся к окружающим нас объектам, воздействуем на них и сами находимся под их воздействием. Жизненный мир не является предметом рефлексии «погруженных» в него субъектов. По отношению к субъекту жизненный мир образует собой «горизонт» его возможных целей, стремлений и планов. К жизненному миру принадлежим все мы в нашей донаучной

¹⁹ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 143.

естественной установке; он является основой всех значений для всех наук, а также для феноменологии. Понятие жизненного мира прочно вошло в обиход современной философии.

Жизненный мир рассматривается Э. Гуссерлем как **интерсубъективный мир**. Интерсубъективность указывает на внутренне присущую сознанию социальность и на то, что мир переживается человеком как **общий для него и других**. Благодаря интерсубъективности жизненного мира мы можем не только отличить себя от Другого, но и понять Другого. Соответственно интерсубъективность выступает основой общности субъектов и условием их **коммуникации**. Таким образом, развитие феноменологической мысли тесно связано с идеями коммуникологии.

Феноменологический метод активно используется в современном правоведении в целях интеграции правового знания, его освобождения от классической «одномерности». Основным моментом, характеризующим суть феноменологического подхода к праву, является взгляд на право как на **часть человеческого бытия, часть интерсубъективного жизненного мира**. Следовательно, правовая теория должна в первую очередь сосредоточиваться на **личности**, а затем уже на поверхностных явлениях права – законах, судебных решениях, нормах, принципах и т. д. В рамках феноменологической теории право интерпретируется как специфический **опыт человеческого взаимодействия**. Такое взаимодействие есть взаимодействие **коммуникативное и интерсубъективное**. Коммуникативным оно является потому, что правовое взаимодействие опосредуется правовыми текстами, которые легитимируются (признаются) в рамках жизненного мира общества, а интерсубъективным – потому, что является межсубъектным отношением, существующим в рамках жизненного мира субъектов и опосредуемым знаковыми структурами (правовыми текстами).

С точки зрения подхода к праву как коммуникативному интерсубъективному взаимодействию право (как и мораль, религия, политика) есть способ нашего бытия в мире как **бытия с другими людьми**. Право конституируется отношением между «Я» и «Другими», и это отношение осуществляется в рамках общего (интерсубъективного) жизненного мира. Именно поэтому нельзя просто ввести тот или иной закон и полагать, что тем самым уже создается право. Необходимо, чтобы текст закона соответствовал условиям жизненного мира членов данного общества, необходимо, чтобы он был интерпретирован как ценностно значимый (легитимный), чтобы он вошел составной частью в **правовую коммуникацию**. Только в этом случае возникает феномен права.

Следовательно, в рамках **неклассических концепций права**, исходящих из принципа интерсубъективности, **преодолевается** характерное для классических типов правопонимания **противопоставление объекта и субъекта** познания. Снятие данного противопоставления делает неактуальным классическое противостояние естественного права как некоего объективного явления и позитивного права как явления субъективного, созданного разумом законодателя, что закономерно приводит к утрате актуальности юснатурализма как варианта классического правопонимания. В неклассических типах правопонимания право не растворяется в сознании субъекта или во внешнем социальном мире, а рассматривается как результат встречи (коммуникации) субъектов, погруженных в жизненный мир. Субъект не наблюдает за правом со стороны, заняв позицию стороннего наблюдателя, а является непосредственным участником правовых коммуникаций, без которого немислим сам феномен права. Таким образом, в неклассических типах правопонимания **право** рассматривается не как внешняя, посторонняя человеку сила, стремящаяся его подчинить, а как **способ бытия человека**.

В качестве примера правовой теории, основанной на идеях феноменологии, можно привести **эгологическую** (лат. ego – я) **концепцию права** одного из виднейших представителей латиноамериканской правовой мысли **К. Коссио** (1903–1984), имеющего последователей во всем мире. Подлинно научная теория должна строиться, по его мнению, на основе исторического понимания права как специфического культурного явления. Такое правопонимание

должно включать в себя три момента: 1) право дается в опыте; 2) существует во времени; 3) имеет ценностный аспект, определяющий поведение человека. Центральная идея его концепции заключается в понимании права не столько как нормы, сколько как intersubjectively normatively determined behavior. При этом, по мнению К. Коссио, право есть то, что оно есть, только тогда, когда оно понимается и интерпретируется, и вне понимания и интерпретации субъектами – как внешнее по отношению к ним объективное явление – не существует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.